

Мария Щедрина

ОБИТЕЛЬ
ЛЖИ И
СЕКРЕТОВ

18+

Обитель лжи и секретов

Мария Щедрина

Обитель лжи и секретов

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Щедрина М.

Обитель лжи и секретов / М. Щедрина — «Эксмо»,
2025 — (Обитель лжи и секретов)

ISBN 978-5-04-240634-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

В каждой больнице есть палаты, которыми никогда не пользуются. У каждого человека в сознании есть комната, в которой он прячет то, что хочет забыть. Среди пациентов и врачей Больницы скорой медицинской помощи № 2 можно встретить аспидов, русалок и волколаков. И здесь работает юная ведьма Василиса, скрывающая отвратительные шрамы на руках и пугающие тайны о своем прошлом. В одну из смен неожиданно умирает аспид, пациент Василисы. Главврач настаивает, что он умер от инфаркта, но ведь аспиды не страдают заболеваниями сердца. Василиса убеждена, что ее подопечного убили, — так почему руководство больницы не хочет предпринимать никаких действий, чтобы выяснить правду? Мучаясь чувством вины из-за того, что погиб ее пациент, а также помня о том, сколько страшных дел она натворила три года назад, Василиса начинает поиски убийцы... «Захватывающая история, где прошлое преследует героев по пятам, переплетаясь с загадочными преступлениями настоящего. Кровавые убийства в стенах экспериментальной больницы, где все не те, кем кажутся». — Светлана Поделинская, автор «Эксмо» «Стоило мне увидеть, что действие книги разворачивается в России, как я сразу поняла: это для меня! Повествование ведется от лица нескольких персонажей, перескакивает между прошлым и настоящим, и за счет этого история приобретает особую динамику. Читается на одном дыхании. Единственный минус — ждате продолжение!» — Екатерина Осенина, автор Telegram-канала «Катя: кино и книги» «Книга оказалась весьма приятной. Уже с первых страниц зацепил непринужденный слог, в котором удачно сочетаются ирония,

динамика и яркие описания. Читается легко. И даже сложные элементы магической системы подаются настолько естественно, что не возникает лишних вопросов». — Эльвира Касенко, автор Telegram-канала «Бокал с книгами» «Меня увлек легкий слог с долей юмора и хорошими описаниями. Книга с первых глав богата событиями, очень понравилось мягкое погружение в мир». — Анастасия Полякова, писатель, автор Telegram-канала «Пусть будет так»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240634-8

© Щедрина М., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	7
I. Незнакомец	8
II. Ритуал	15
III. Волколак	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Щедрина

Обитель лжи и секретов

Иллюстрация на обложке *centaurea*

© Щедрина М., 2025

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2026

* * *

*Длинные черные волосы
Змеями падают с плеч.
Очи огромные, злобные,
Режут тебя, словно меч.
Ладони ее обожженные
О смерти напоминают.
Душа – не по-детски темная,
Не раз и не два топтали.
Справедливость рассудком правит,
И жестокость ходит в министрах:
Если честен, ей станешь другом,
Если лжец – уходи, и быстро.
Она в вечных бегах от кошмаров,
В вечных поисках искупления.
Только ночью себя останавливает
Тихим шепотом: «Нет мне прощения!»
Замелькают в бреду мысли разные,
Холод с чувствами, с злобой – любовь,
И убийца с хорошими спрячется,
Как смешается с ядами кровь.
И застынет она в задумчивости,
Что ей делать дальше, не зная.
Только солнце ее разбудит,
С кожей бледной лучом играя.
Длинные черные волосы
Змеями падают с плеч.
Их хозяйка-ведьма очнулась
И готова начать свою речь.*

Пролог

Тьма окутывала маленький город тяжелым всепоглощающим одеялом. Зимняя ночь накрыла невысокие многоэтажные дома, пробежалась по неподвижным машинам костлявыми пальцами холода. Почти пустые улицы освещали лишь мягкий недавно выпавший снег и тусклое сияние лампочек в окнах квартир и витринах магазинов. Десятое февраля, два часа ночи – в такое время жители городка предпочитают не появляться на улицах, которые и в дневное время никто не смог бы назвать спокойными и безопасными.

В половине третьего ночи в тени одного из серых пятиэтажных домов остановилось, тихо зашуршав шинами, небольшое черное такси. Водитель хотел подъехать к фонарю, единственному в районе освещавшему теплыми желтыми лучами небольшой двор, однако пассажир резким напряженным голосом сообщил, что хотел бы покинуть автомобиль в тени. Таксисту оставалось лишь пожать плечами и исполнить волю клиента. Он устал, хотел спать, и ему было абсолютно безразлично, где высадить нервного паренька лет двадцати. Лишь бы мальчишка заплатил и дал возможность отправиться домой.

Не успела машина остановиться, а парень уже бросил в сторону таксиста смятые купюры – явно в несколько раз больше, чем стоил проезд, – и быстрее тени выскочил за дверь.

Он стоял в темноте до тех пор, пока такси не уехало, и пытался хоть как-то замедлить биение своего сердца, пустившегося в мрачный танец от страха. Пальцы парня дрожали, когда он натягивал на голову капюшон куртки, изо всех сил пытаясь скрыть под ним свое лицо. Спустя несколько минут борьбы неуклюжих пальцев с тканью он понял, что этого недостаточно, и поднял темный шарф как можно выше, пряча рот и нос.

«Он меня не узнает, – мысленно успокаивал себя парень. – Прошло семь чертовых лет. Он не должен узнать».

Ему не удалось обмануть самого себя глупыми надеждами, но хотя бы появились силы сдвинуться с места. Сначала мелкими медленными шажками, а затем почти бегом парень кинулся к одному из подъездов дома.

Асфальт покрывал тонкий слой льда, и в темноте бегущий прохожий рисковал что-нибудь себе сломать, но парню повезло, он успешно достиг железной двери, покрытой толстым слоем краски. Остановка, отдышка. Его не узнают. Он почти добрался. Глубокий вдох.

Парень вытащил из кармана ключи и приложил один из них, магнитный, к домофону. Открыл дверь, вбежал в темный подъезд, резко пахнувший моющими средствами. Снова остановка. Он почти в квартире. Все будет нормально. Он взбежал по лестнице на один этаж и собрался идти дальше. Быстрые шаги отзывались в пустом подъезде слишком громким стуком, похожим на выстрелы. Дыхание вырывалось из легких резкими хрипами.

Он успел пройти половину лестницы, ведущей на следующий этаж, когда почувствовал, что на его плечо опустилась чья-то рука. Парень вздрогнул и дернулся, пытаясь вырваться. Ладонь сжала его плечо так крепко, что наверняка оставила синяк даже через толстый слой ткани куртки и толстовки под ней.

Парень замер. Так его мог схватить только один человек...

І. Незнакомец

Василиса

Его зовут Денис Кирсанов. Больше ничего о поступившем к нам парне сказать было нельзя. Даже вопрос, который всегда интересует наших медсестер – симпатичный новенький пациент или нет, – оставался без ответа: черты лица парня с трудом угадывались под безобразными ранами. Бледный как смерть, с налипшими на высокий лоб прядями каштановых волос, весь перепачканный собственной кровью, он выглядел жалко.

Впрочем, это не мешало мне разглядывать незнакомца с сомнением и почти с любопытством.

– Его что, по ошибке в мясорубку бросили? – поинтересовалась я, повернувшись к Тимофею.

Этот парень был вполне себе цел и невредим, хотя бледный, даже желтоватый оттенок кожи мало отличал его от лежащего передо мной раненого. Мой лучший друг, гордо именующий себя врачом, не выносит вида крови. И сейчас вид у Тимофея был такой, словно его должно вот-вот стошнить.

– Если бы его бросили куда-то по ошибке, то успели бы вытащить, а не стали бы доводить до такого состояния, – сдавленно, но все же поддерживая мою иронию, ответил парень.

В руках у него была карта вызова, где, собственно, и значилось, что нашего нового пациента зовут Денис. Его имя и местоположение сообщили анонимно по телефону, даже документов при раненом не было.

– Василиса, ты стоять будешь, пока твой пациент тут все окончательно кровью не перепачкает? – прогремел у меня над головой недовольный голос. – У нас тут больница, а не проходной двор, здесь в том числе и дети есть!

Я не стала напоминать высказавшей все это Екатерине Алексеевне, заведующей отделением «Скорой помощи» в нашей больнице, что это место – как раз самый что ни на есть настоящий проходной двор. Вместо этого я просто обернулась к рассерженной женщине и спокойно ответила:

– И куда мне его везти? Мы даже не знаем, кто он. А следовательно, не знаем, и как его лечить. Может, он вообще простой смертный, и позвонили нам по ошибке.

Екатерина вздохнула. Приемная нашей славной БСМП № 2, как всегда, была переполнена, люди негодовали или пытались выяснить, что с их родственниками. А тут еще я со своими вопросами, иронией и непонятными парнями с ножевыми ранениями. Что ж, ее можно понять, поэтому на ее недовольные реплики я обычно не обижаюсь.

– Куда-нибудь, – спустя несколько секунд с еще заметно сквозящим раздражением в голосе выдала исчерпывающий ответ Екатерина. – В любую палату или смотровую, потом разберемся. Зашей глубокие порезы, приведи его в чувство и приходи за следующими. Сейчас некогда возиться с безмянными бомжами.

Я перевела взгляд на парня. Да, нельзя было сказать, симпатичный он или нет, даже определить его возраст, хотя он наверняка примерно мой ровесник. Но на бомжа он точно не походил. Может, я не дочь миллионера и не стилист, но по одежде и ботинкам можно было запросто понять, что их хозяин не беден. У этого Дениса, кем бы он ни был, явно хватало денег на дорогие тряпки. Жаль только, от ножей неизвестных в темном подъезде деньги его не уберегли.

Кто же он все-таки такой и кто напал на него?

– Да что с тобой сегодня, Серова?!

Еще один раздраженный оклик Екатерины резко выдернул меня из омута собственных вопросов. Не говоря женщине ни слова, я повернулась к Тимофею.

– Поехали в любую свободную палату. Нужно заняться его ранами, пока он до смерти не истек кровью.

* * *

Часовая стрелка больших круглых часов едва успела дотянуться до черной шестерки. Начиналось утро десятого февраля. В столь ранний час любая больница наверняка пустует, но, если ты работаешь в единственном в своем роде медицинском учреждении, следует ожидать, что оно будет переполнено в любое время. Мы с Тимофеем к этому готовы не были, все палаты, в том числе операционные и перевязочные, оказались забиты. Все, кроме одной, но этому мы отнюдь не радовались.

Палата № 4 встретила меня и моего друга почти родными стенами, выкрашенными светлой бежевой краской, белым кафелем на полу и огромным окном, скрытым за жалюзи мягкого персикового оттенка. Как и во всей больнице, нос здесь приятно щекотали запах хлорки и аромат кофе. Было бы довольно уютно, если бы не одно но.

Сейчас это самое «но», представляющее собой шестидесятилетнего мрачного мужчину с длинными черными волосами и фамилией Змеев, безмятежно посапывало во сне. На белой постели даже в полумраке ясно выделялись его смуглые руки, голова... и длинный темный чешуйчатый хвост, кольцами змеящийся из-под одеяла до самого пола.

Мне всегда было интересно, что сказали бы обычные врачи-люди, посмотрев на некоторых наших пациентов. И сказали бы они хоть что-нибудь или сразу получили бы инфаркт?

– Он спит, – прошептала я, опасливо поглядывая в сторону храпящего Змеева. – Если повезет, мы сделаем все до того, как он проснется.

Тимофей молча кивнул и, стараясь везти кровать с раненым как можно тише, подкатил ее на свободное место.

Змеев – тот, кого простые смертные называли бы именем знаменитого героя русских народных сказок Змеем Горынычем. На самом деле от этого персонажа у мужчины лишь фамилия. По своему виду Змеев – аспид, человек-ящер, который отличается обилием чешуи на теле, способностью дышать огнем и просто невыносимо вздорным характером. Из-за последнего все мы порядком пострадали.

Я устроилась на должность врача совсем недавно, какие-то несколько недель назад, и Змеев стал моим первым пациентом – съел или выпил в новогодние праздники что-то не то и получил тяжелую аллергию. По этой причине аспид начал задыхаться, а его смертоносные когти – отслаиваться. Мало того что после праздников ухаживать за существом, больше похожим на гремучую смесь человека и крокодила, – малоприятное занятие, так еще Змеева не устраивало буквально все. Слишком молодой лечащий врач («Так еще и девушка!»), слишком маленькая палата, слишком вонючее лекарство, слишком плохое обслуживание. Он придирался буквально ко всему, вынося мозг мне, Екатерине и нашему главврачу Герману. На исходе третьего дня пребывания Змеева в больнице Тимофей предложил задушить его во сне. Мне пришлось приложить всю силу воли, чтобы отказаться от этой идеи.

Вполне логично, что, увидев, как прямо в его палате мы зашиваем ножевые раны какому-то мальчишке, Змеев придет в ярость и закатит очередной скандал. Поэтому мы с Тимофеем больше всего хотели побыстрее закончить с этим Денисом и покинуть палату № 4, пока аспид не проснется и не поймет, что к нему подселили нового соседа.

Я подняла на нос медицинскую маску, до этого болтавшуюся у подбородка, осторожно проверила, не выбились ли пряди черных волос из тугого пучка, и натянула на ладони пер-

чатки. Тимофей тем временем, сжав в пальцах одной руки воротник своего халата, провел другой над толстовкой раненого. Мой друг, как и я, колдун, пусть и не такой же сильный. Энергии, взятой им из нитей собственной одежды, хватило, чтобы заставить плотную ткань быстро и бесшумно разойтись в разные стороны, несмотря на засохшую кровь. В который раз я убедилась, что магия куда эффективнее человеческих орудий труда, тех же ножниц например.

Под толстовкой обнаружили несколько огромных страшных ран. Судя по тому, что Денис еще был жив, он очень везучий человек, кем бы он ни был. Нож чудом не задел сердце и легкие. Не желая терять время даром, я потянулась за инструментами, которые принесла с собой в огромной аптечке.

– Знаешь, Екатерина бывает резкой, особенно когда в приемной завал, – неожиданно подал голос Тимофей, и я на миг замерла в удивлении с медицинскими иглками в одной руке и антисептиком в другой.

К счастью, парню хватило ума говорить шепотом.

– Тебя же не задело, когда она сказала о... безымянных бомжах?

Я приподняла брови, всеми силами стараясь показать, что меня и впрямь ничуть не взволновало то выражение, наверняка брошенное совершенно случайно и необдуманно. И все же холодного тона в голосе я сдержать не смогла.

– Почему меня должно было это задеть?

Тимофей, отойдя от кровати на несколько шагов, старательно смотрел на планшет с прикрепленной к нему картой. Может, все еще боялся, что от вида ран его стошнит, а может, смутился из-за моего резкого вопроса. Через пару секунд он молча пожал плечами.

Между нами повисла напряженная тишина. Сначала мне она даже нравилась (я предпочитаю работать молча), но, что бы там я ни говорила другу, в голову все равно лезли непрошенные мысли и воспоминания, в которых мне совсем не хотелось разбираться.

Я улыбнулась, пусть Тимофей при всем желании не смог бы разглядеть это под маской, а затем резко перевела разговор на другую тему:

– Ты, конечно, можешь не смотреть, а то потом и тебя откачивать придется, но этот паренек очень даже ничего. Наверное, спортом занимается, судя по фигуре, да еще и богатый. Гляди, как бы не отбил у тебя Олесю, когда придет в себя.

Тимофей с радостью поддержал переход разговора в шутливо-романтическое русло:

– Зачем ему Олеся, когда есть умная, красивая, свободная ведьма, которая, между прочим, сейчас спасает ему жизнь?

– Полегче, Тимофей, – хмыкнула я. – Олесе ты столько комплиментов в одном предложении не делаешь. Что, если она услышит и сдохнет от ревности?

– В таком случае Екатерина и Герман наорут на меня и пригласят некромантов, чтобы воскресить ее, не переживай.

Понятно, что Тимофей пошутил, но переживать мне в любом случае было не о чем – вряд ли Олеся действительно стала бы ревновать. Нас с Тимофеем ничего не связывает, кроме крепкой дружбы. Мы многое пережили, не раз спасали друг друга, но на любовные отношения нас никогда не тянуло. Кроме того, Олеся – самая настоящая красавица. Эта невысокая девушка восемнадцати лет с точеной фигурой и волнистыми волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет, может привлечь к себе внимание даже в уродливом белом медицинском халате и простеньком огромном свитере. А я...

Нет, я, пусть мне всего девятнадцать, уже давно вышла из того возраста, когда девчонки ненавидят себя за каждый лишний прыщ или килограмм, считая красоту главным показателем успеха. Я прекрасно знаю свои достоинства, знаю, что довольно талантлива для ведьмы и умна для человека, а потому очень спокойно отношусь к собственному отражению в зеркале, в котором вижу тощую бледную девчонку с ничем не примечательным лицом.

– Почти закончила, – наконец прошептала я.

За разговором, иногда прерываемым длинными паузами, я и не заметила, как почти механическими движениями промыла, обработала и осторожно зашила каждую рану. Всего я насчитала четыре глубоких пореза на теле и два на лице. Голову парня также покрывало множество мелких царапин. Теперь уже вполне отчетливо виднелось красивое лицо. Наверняка на нем навсегда останутся уродливые шрамы, но вряд ли Дениса это сильно испортит.

«Кто же тебя так?» – в который раз мысленно спросила я. Не знаю, почему меня так волновал этот вопрос. Обычно мне глубоко плевать на прошлое пациентов. Может быть, это связано с тем, что всю информацию, полученную об этом парне, мы узнали из максимально странного анонимного звонка?

– Что это вы там «почти закончили»? Снова пичкаете меня какой-нибудь отравой, пока я сплю? – проскрипел голос где-то позади меня.

Я замерла. По спине пробежал неприятный холодок.

Мы не успели. Совсем чуть-чуть не успели. Змеев проснулся.

* * *

– Жалоба на... – Герман пролистал стопку бумаг, – на четыре страницы! – Он казался не рассерженным, а скорее восторженным. – По-моему, это рекорд для нашей больницы.

Он повернулся и посмотрел на Екатерину. Судя по ее внешнему виду, заведующая очень хотела отвесить мужу подзатыльник за чересчур позитивное отношение к ситуации, но, поскольку он официально ее непосредственный начальник, сдерживалась.

– Рекорд был шесть страниц. Тоже, кстати, от Змеева, но четыре года назад, – чуть ли не сквозь зубы проговорила она.

– Значит, талант гаснет? – вздохнул Герман. – Жаль.

Герман Хоффман, главврач нашей больницы, разительно отличается от своей жены и нашей заведующей. Он колдун, а Екатерина – человек. Он австриец, а она – русская. Он предпочитает обычную удобную одежду, и единственный показатель его богатства – дорогие часы, а Екатерина, пусть и не пользуется косметикой и заплетает волосы в строгую русую косу, одевается всегда в недешевые костюмы. Но самое приятное различие – это то, что Екатерина относится к каждому сотруднику и пациенту максимально сурово, в то время как Герман к любым проблемам подходит со свойственным ему юмором и разруливает конфликты, умудряясь одинаково хорошо отнестись ко всем сторонам.

Не знаю, что занесло человека вроде него в наш маленький провинциальный городок и заставило открыть БСМП № 2, и меня, по правде говоря, никогда это не интересовало. Но одно я знаю точно: Герман – человек безграничной доброты и терпения, такой, какой мне вряд ли удастся когда-нибудь стать.

Мы с Тимофеем, изо всех сил стараясь сохранять серьезное выражение на лицах и выдавливая из себя виноватый вид, стояли в его кабинете. Место постоянного обитания главврача представляет собой уютную маленькую комнатку, почти полностью забитую шкафами с папками и личными делами пациентов. Единственный участок кабинета, не закрытый бесконечными стеллажами, – узкое окно, из которого открывается вид на город.

Не самое приятное место, если быть честной. Днем отсюда можно увидеть лишь серые дома, темное шоссе с грязной смесью снега и песка по обочинам и торопливые черные машины. Красивое в нашем городе только небо, и то сейчас, ранним утром: еще не начавшее светать, оно пока темно-синим бархатом накрывает город, заботливо скрывая все его уродства и подчеркивая немногие достоинства.

Сейчас Герман закрывал собой часть открывающихся за окном видов. Его офисное кресло почти вплотную было придвинуто к подоконнику, заваленный бумагами и канцелярией стол стоял рядом. Из-под стола всех присутствующих в кабинете пронизывал ненавидящим

взглядом большой палевый кот, питомец Германа, который, как он утверждает, в некотором смысле один из постоянных пациентов нашей больницы.

Герман вызвал нас с Тимофеем к себе меньше чем через час после произошедшего. А произошло вот что: как мы и ожидали, Змеев, увидев, что у него появился сосед и что помощь ему оказывали в какой-то паре метров от его бесценных отслаивающихся когтей, устроил скандал. Он накричал на меня и моего друга, прокляв нас и использовав парочку нелитературных слов, а затем настроил жалобу главврачу, на которую тот, естественно, обязан был отреагировать.

– Ладно, вернемся к основному вопросу, – проговорил Герман, переводя смеющийся взгляд на лист бумаги, исписанный корявым мелким почерком. – Господин Змеев утверждает, что вы, Василиса, и вы, Тимофей... так... сейчас найду... а, вот: «вскрывали на его глазах труп, рассказывая при этом анекдоты с нецензурной бранью». – Главврач посмотрел на нас. – И еще там что-то о том, что вы хотели отравить его, взорвать больницу, устроить конец света, ну и так, по мелочи. Что можете сказать в свое оправдание?

– Вы же понимаете, что все это неправда? – отозвалась я.

Мой голос, бодрый и эмоциональный в общении с другом, теперь звучал, как обычно в последнее время, тихо и безжизненно. Я очень надеюсь, что когда-нибудь смогу избавиться от этой своей особенности, но во время каждого разговора с любым человеком понимаю, как мала вероятность справиться с ней.

– Допустим, – ответила вместо Германа Екатерина. – Но как ты объяснишь это упрямой старой рептилии?

– Нельзя его просто выписать? – спросила я.

Постепенно во мне начинало закипать раздражение.

– Ты его лечащий врач и сама понимаешь, что у него пока не то состояние.

– И что делать?

Кот Германа, словно показывая, что лично он не знает ответа на этот вопрос, выбежал из-под стола, открыл носом дверь кабинета и вышел. Никто не обратил на это внимания – вредный пушистый звереныш в пределах больницы пользуется полной свободой.

Герман пожал плечами.

– Очевидно, извиняться.

Тут, видимо, терпение закончилось уже у Тимофея.

– Какого черта мы должны извиняться перед этим старым козлом?! – почти выкрикнул парень. – Он просто псих! Пусть будет благодарен, что его вообще лечат, еще и бесплатно!

– Сбавь обороты, Орлов, – велела ему Екатерина тоном, не терпящим возражений. – Ты, по этой же логике, должен быть благодарен, что работаешь здесь, еще и без образования, хотя ты просто посредственный колдун-изгнанник с поддельными документами.

Слова о том, что он слаб и является отбросом магического мира, всегда задевают моего друга. Он промолчал, скрыв обиду за своей постоянной веселой и наивной улыбкой, но я заметила, как сжалась в кулак его рука и покраснели уши. Екатерине определенно стоит поучиться такту.

– Сбавить обороты в этой комнате нужно всем, – твердо произнес Герман, почувствовав, что ситуация накаляется. – Катерина, дорогая, почему бы тебе не отправиться дальше оказывать людям скорую медицинскую помощь?

Главврач спрашивал, но даже с такой интонацией заведующая тут же его послушала и двинулась к выходу, пусть и окидывая все и вся строгим взглядом. Герман ко всем относится по-доброму, но любое его слово – закон.

Он перевел взгляд на нас, когда его жена наконец захлопнула за собой дверь кабинета.

– Василиса и Тимофей, я все понимаю, но давайте по-честному, как взрослые умные люди. Любое частное учреждение – это бизнес. Игорь Змеев, брат нашего уважаемого паци-

ента, – наш крупный спонсор. Если он перестанет вкладывать деньги, БСМП, конечно, не развалится, но убытки понесет. Мы не сможем покупать оборудование, уменьшится ваша зарплата, возможно, придется закрыть общежитие, в котором вы и сами живете. Если нашу больницу можно спасти от этого кратким извинением перед старым скандалистом...

Взгляд серых глаз Германа стал почти умоляющим.

– По-моему, это не самая большая плата.

Я встречала в своей жизни самых разных лидеров, но, как по мне, именно такие, как Герман, добиваются наибольших успехов. Он не кричал, не угрожал и не приказывал. Он просил. Но просил так, что просто нельзя было отказать.

– Хорошо. Мы извинимся, – твердо ответила я, покосившись на Тимофея.

Не похоже, что парень согласился со мной, но после моего выразительного взгляда продолжать спорить, к счастью, не торопился.

– Мы можем идти?

Герман кивнул.

– Идите. Только забежите сначала к Змееву. Он там так рвет и мечет, что, боюсь, может захлебнуться собственным возмущением.

* * *

Первые дни работы в БСМП № 2 я ненавидела местные коридоры. Длинные, извилистые, словно бесконечные лабиринты, они могут заставить тебя блуждать в них часами и все равно не найти нужную дверь. А учитывая, что в нашей больнице никогда не хватает рабочих рук и большая часть врачей обитает на первом этаже возле приемного отделения, обслуживая непрерывающийся поток больных, спросить дорогу, как правило, не у кого. Позже, благодаря объяснениям Тимофея и помощи кота Германа, который частенько всюду сопровождает меня, я запомнила основные проходы и теперь перемещаюсь, почти не боясь заблудиться. Теперь коридоры мне даже нравятся. В конце концов, они очень уютные, если приглядеться.

Вот и сейчас мои глаза то и дело останавливались на маленьких кожаных скамейках, деревянных дверях и плакатах, сделанных под основной цвет больницы – бежевый. Где-то, наверное, было открыто окно, потому что по отделению блуждал легкий ветерок, приятно охлаждающий кожу после раскаленного отоплением кабинета Германа. Дуновение воздуха выбило из моего пучка несколько прядей, и теперь они щекотали мне глаза.

– Меня достал этот Змеев! – раздраженно бросил Тимофей, когда мы достаточно удалились от кабинета главврача. – Надеюсь, Герман окажется прав, – мечтательно продолжил парень. – Мы придем к нему, а он захлебнулся своей злостью и наконец-то умер!

Я усмехнулась. Вообще-то, Тимофей, несмотря на все его слова и шуточки, и мухи не обидит, поэтому из его уст подобные высказывания всегда звучат особенно смешно.

– Хорошее воспитание отчетливо требует от меня сказать, что мечтать о таком нехорошо, – проговорила я, смахивая с лица мешающие волосы. – Но я с тобой согласна.

Тимофей нахмурил широкие брови, делая вид, что очень удивлен.

– Хорошее воспитание? Ты что, знаешь это выражение?

– Представь себе.

Еще несколько минут мы шли, обмениваясь колкостями. Мы прекрасно чувствовали напряжение друг друга, понимали, что оба очень недовольны. Сейчас придется унижаться, извиняясь перед неприятным человеком за то, что мы не совершали.

За последние годы мы с Тимофеем привыкли защищать жизни друг друга и свое имущество, для нас принять участие в драке с помощью оружия или магии – это не что-то из ряда вон выходящее. Сейчас в больнице нашим жизням ничего не угрожало, и нам приходилось учиться мастерству драк иного рода – битвам с собой и своими чувствами, когда приходится

думать одно, а говорить совершенно другое, чтобы сохранить хорошие отношения с самыми разными людьми. И пусть мы быстро усвоили главное правило БСМП № 2 «жизнь и здоровье пациента превыше всего, его нужно уважать и стараться не действовать ему на нервы», ни меня, ни Тимофея это не устраивает. Лишь шутливые разговоры и борьба остротами помогают хоть немного разрядиться.

Вот, наконец, и она – дверь в злополучную палату № 4. Чтобы не терять время совсем уж зря, я решила заодно посмотреть, как там тот парень, Денис. Мысль о том, что я проверю его, а не только буду рассыпаться в извинениях перед капризным аспидом, меня успокаивала.

Тимофей открыл дверь и вошел первым.

– Что за?.. – послышался его удивленный и возмущенный голос.

Я тоже вбежала в палату. Сначала не поверила своим глазам, но, судя по пораженному виду друга, мне не показалось.

Кровать Дениса была пуста. По его аккуратной белой постели шли длинные ровные разрезы, по всей палате летали перья и пух из подушки и одеяла. Частично белоснежное белье переходило в алое или грязно-коричневое – наверное, некоторые раны Дениса еще кровоточили.

Я была слишком удивлена, но в какой-то момент в голову пришел вполне логичный вопрос: почему больница не сотрясается от гневных выкриков Змеева? Ведь именно из-за него мы с Тимофеем пришли сюда.

Я медленно повернулась в сторону, где находится кровать старого аспиды. Она стоит под таким углом, что из дверей незаметна. Рептилия есть рептилия – любит укромные места, где ее не видно. На первый взгляд показалось, что Змеев спит. Он распластался по своей кровати, лежа на спине, рука с большими кривыми когтями свесилась к полу. Но грудь аспиды не вздымалась в глубоком дыхании, а глаза были распахнуты.

Я кинулась к Змееву. Как бы я к нему ни относилась, как бы он ни раздражал всю больницу своими выходками, он пациент БСМП № 2, а значит, наша больница вообще и я как лечащий врач в частности несем ответственность за его жизнь и здоровье.

Мои пальцы коснулись вен на горле аспиды, но ничего не почувствовали. Пульса не было. Я вытащила из кармана смартфон и дрожащими похолодевшими пальцами включила часы. Затем крепче схватила телефон. Мое сердце бешеными ударами колотилось в груди, кровь стучала в ушах, в горле пересохло.

Один мой пациент пропал. Если второй умер... Даже Герман этого не потерпит. Он вышвырнет меня. Я лишусь дома, работы, лучшего друга и средств к существованию. Я не могла этого допустить.

Я провела рукой над телом Змеева, взяла энергию из часов, чтобы понять, как давно остановилось сердце. Магия времени очень сложна и похожа на камеру наблюдения, можно услышать или почувствовать, что происходило несколькими минутами раньше.

Минута назад. Сердце Змеева не бьется.

Три минуты назад. То же самое.

Пять минут...

Нельзя привести в чувство человека, если его сердце остановилось больше пяти минут назад. Мне показалось, что пол под ногами пошатнулся. Я схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть.

Наши с Тимофеем глупые шутки и вскользь брошенное ироничное замечание Германа оказались правдивыми – Змеев был мертв.

II. Ритуал

Любая история похожа на цепочку – ничто не происходит просто так. У всего есть предпосылки, которые, подобно звеньям цепи, следуют друг за другом, переплетаясь между собой, пока наконец не произойдет что-нибудь значимое. Это касается всего, начиная обычным завтраком и заканчивая развязкой войны. Просто порой мы не замечаем крохотных, хорошо скрытых предпосылок. Или не хотим замечать.

Какие же звенья привели меня к тому, что теперь я стояла между двумя больничными кроватями, на одной из которых лежал мертвый аспид, а на другой должен был находиться раненый парень без документов? Быть может, решающим стал эпизод, когда я зашила этому Денису раны? Или когда я только-только устраивалась в БСМП № 2?

А может, еще более ранние события? Скажем, те, которые происходили очень далеко отсюда, в тот момент, когда мне едва исполнилось шестнадцать...

Три года назад

Солнечные лучи приятно ласкали голову, спина упиралась в теплый рельефный ствол дерева. Сидя на достаточно толстой, чтобы выдержать мой небольшой вес, ветке, я болтала ногами и совершенно не торопилась спускаться.

Многие знакомые мне дети и подростки завидовали людям из человеческого города, расположенного по меньшей мере в сотне километров от поселения. На мой же взгляд, жизнь без телефона, на который могла бы позвонить, разыскивая меня, мама, и с ароматным, всегда необычным и полным чудесных растений и животных лесом вместо вониючих и грязных городских улиц не так уж и плоха.

Я родилась и провела всю жизнь в колдовском поселении, особой, удаленной от человеческой цивилизации деревне, где живут только ведьмы. В давние времена, как только у человечества начали появляться хоть какие-то намеки на прогресс и окончание Средневековья, колдуны стали уходить от людей и создавать такие места. Они суеверно боялись любых изобретений, словно считая их какой-то особой, неподвластной им магией, которая убьет их при любой удобной возможности, стоит неосторожному колдуну или ведьме с ней связаться.

С создания первых поселений минула не одна сотня лет, и колдуны, конечно, стали чуть менее консервативны. Но это не отменяет того факта, что с простыми смертными мы контактировали только при крайней необходимости, а самой современной техникой в домах жителей нашей деревни был черно-белый телевизор.

Впрочем, все жители поселения были скорее людьми, чем какими-то иными существами. Мы питались обычной едой, носили несовременную и чересчур закрытую, но обычную одежду, дышали воздухом, общались с помощью речи, влюблялись и заводили друзей. Взрослые колдуны старались найти себе работу по душе, насколько возможно это было в затерянной в лесах Урала деревне, а дети... Ну, мы были самыми обычными детьми, которые учились, отлынивали от уроков и при первой же возможности старались убежать подальше от родительского контроля.

Именно подростковое желание бунтовать привело меня в тот день в самую чашу леса и заставило взобраться так высоко на дерево, как только было возможно, – а лазить по деревьям я умела.

«Василиса, это даже не обсуждается!» – все еще звенел в голове мамин голос, пока я задумчиво вырезала ножом абстрактный узор на палочке, отломленной от все той же занятой мною ветки.

Словно сопровождая моим мыслям, где-то высоко над головой переговаривались клесты. Эти похожие на попугаев из учебников биологии птички с красивыми голосами могут казаться очень милыми, но ровно до тех пор, пока одна из них не скинет тебе шишку прямо на голову. Хорошо, что в тот день они не стали ничем в меня кидаться – настроение у меня было не очень, и я точно поджарила бы парочку птиц прямо в воздухе, если бы они обратили на себя мое внимание.

«Ты что, убеждаешь ее? Оправдываешься? Пусть будет благодарна, что ее вообще предупредили заранее! Такие привилегии даются только примерным девушкам из образцовых семей. Она этого не заслуживает». Этот резкий дребезжащий голос принадлежал старейшине деревни. Я резко вонзила нож в палку, пытаюсь прогнать из головы образ старого колдуна с копной белых волос и почти безумным взглядом. Многие дети – и я, когда была маленькой, в том числе – его боялись. И было за что. Старейшина – это не только самый старый колдун, но и самый сильный. Да и властью он обладает немалой. Например, он может заставить выбранных им самим парня и девушку пожениться, и никто не смеет ему возразить.

Лезвие резко прошло сквозь дерево и задело мою ладонь. Я зашипела от боли и выпустила палочку из рук. Та пролетела несколько десятков метров и исчезла в кустах. Жаль. В густых зарослях ее не найти, а узор у меня получался очень даже красивый.

На ладони появился тонкий порез, из которого крупными каплями начала сочиться темно-алая кровь. Я глубоко вздохнула, понимая, что теперь придется слезть и обработать царапину. Говорят, ведьмам человеческие заболевания не угрожают, и, по идее, какого-нибудь столбняка или заражения крови я бояться не должна была, но проверять не хотелось.

Есть поговорка «до свадьбы заживет». Интересно, как долго они от меня все скрывали? Можно ли будет так же сказать об этом порезе?

Дорога домой не заняла у меня много времени, я знала каждый уголок в родном лесу, который был для меня почти таким же домом, как деревянная избышка на самой окраине поселения. Легко и неслышно я скользила по траве и земле и сама не заметила, как приблизилась к деревне. Вынырнула я из своих мыслей, только когда начала слышать привычный шум: кто-то ремонтировал одну из немногих местных машин, несколько ведьм громко переговаривались, где-то вдали раздавались голоса животных, которых разводили колдуны ради пропитания и торговли и в качестве источника магии.

Я уже собиралась открыть деревянную калитку, некогда выкрашенную белой краской, и зайти на маленький участок, но увидела во дворе лежащую у самого крыльца мохнатую чернорыжую собаку. Я знала ее, а точнее – его. Огромный агрессивный зверь принадлежал колдуну-старейшине, и он еще одна причина, по которой многие его опасались и уважали. Этот пес пугал своим видом и поведением даже самых больших любителей собак, а мне они никогда не нравились.

Чтобы не пересекаться с псом, я решила обойти дом и залезть в свою комнату через окно.

В общем-то, по той же причине тем же путем я сбежала в лес несколько часов назад, но не думала, что старейшина задержится у нас так надолго. Он ведь просто должен был сообщить моим родителям о...

– Он хороший мальчик, из замечательной семьи. И всего на два года старше тебя, – пытался оптимистично настроить меня отец.

В отличие от более строгой мамы, он всегда мог найти ко мне подход и оставался на моей стороне. Он сжал руки в кулаки, когда услышал старейшину – тоже был не в восторге от идеи главного колдуна. Вот только что он мог сделать? Только попытаться заверить меня, что все не так плохо.

– Понимаю, что тебя это удивит, папа, но я умею считать, – бросила я дрожащим от ярости голосом.

В тот момент мне хотелось разрушить всю мебель в комнате, хотелось плевать ядом, хотелось схватить с обеденного стола нож и перерезать старейшине горло. Но я старалась вести себя как взрослая и говорить спокойно.

– Этому Тимофею восемнадцать. Это, мать его, незаконно, в конце концов!

– Мы живем по своим законам, дитя, и не тебе их менять, – степенно, но сурово ответил мне старейшина.

Я обернулась к нему.

– Обалденные законы! – уже не сдерживаясь, перешла я на крик. – Подростка, не спрашивая его мнения, хотят выдать замуж за какого-то незнакомца! Мы что, в Средневековье?

В моей речи не было мата, но она все равно звучала довольно грубо. В любой другой момент я бы не позволила себе так разговаривать с родителями, но тогда просто кипела от возмущения.

– Следи за языком, Василиса, – произнесла в ответ на мои слова мама.

Ее лицо было абсолютно бесстрастно. Ни согласия со мной, ни хотя бы сочувствующего кивка.

Я тихо пролезла через дыру в заборе на заднем дворе. Забор был невысокий, можно было и перепрыгнуть, но мне и без того предстояло забраться на второй этаж, так что я решила приберечь силы.

Двор встретил меня обычным беспорядком. Ноги легко касались пожелтевшей под влиянием магии травы, и я легко маневрировала между огромными корзинами, запчастями для машины и прочим полезным и не очень мусором.

Сердце болезненно сжалось и упало куда-то вниз, когда я остановилась под окнами своей комнаты. Мне все еще очень не хотелось сюда возвращаться. Нос щипало от обиды, царапина на руке неприятно саднила, напоминая о себе.

Возможно, это был последний день, когда я смогла ради развлечения залезть на дерево. В конце концов, играть в дикую кошку может девчонка-подросток, но никак не замужняя женщина. По крайней мере, в нашей жуткой деревне считали именно так.

Старейшина хотел выдать меня замуж за незнакомое мне парня. Для поселения, живущего согласно старым обычаям и традициям, это норма, а сейчас еще, в конце июня, приближался праздник Ивана Купалы. Считается, что, если в этот день в деревне женится хотя бы одна пара, все местные колдуны станут сильнее. Тот год, очевидно, выдался небогатым на влюбленных, и старый колдун решил устроить свадьбу самостоятельно.

Впервые он появился, чтобы сообщить мне неприятный приговор, но, конечно, никто не сказал мне ничего внятного. Взрослые начали твердить, как мне повезло, что я выхожу замуж именно за Тимофея. Ведь он «такой хороший мальчик, такой добрый и послушный»! Честно говоря, я уже начинала его ненавидеть.

«Почему я?» – повторял настойчивый голос у меня в голове. В поселении было полно молоденьких ведьмочек, мечтающих выйти замуж, и старейшина это знал. Многие из них были под стать этому Тимофею – тихие, неприметные и послушные. Меня же многие не любили из-за моей холодности и наглости, и старейшина в том числе. Так с чего вдруг такое благословение?

Опираясь ногами на незаметные, но хорошо знакомые выступы и хватаясь ладонями за бревенчатую стену дома, я постепенно карабкалась все выше по стене. Но на вопросе о внезапном благословении старейшины замерла. Не люблю полагаться на интуицию, но сейчас неприятный голосок в голове шептал: что-то не так.

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Можно забыть об этом, если вы гонитесь за сыром, но, если вас чуть ли не насильно заставляют за ним лезть, не вспомнить великую поговорку – верх глупости. И раз у меня не было возможности отказаться от сыра, то стоило хотя бы узнать, как устроена мышеловка. Если отбросить метафоры, мне стоило мысленно отругать

себя за то, что я убежала, не догадавшись послушать разговор родителей и старейшины. Благо гостиная, где они сидели, находилась через комнату от моей спальни.

Пока я меняла свое направление, во рту пересохло, а руки начали дрожать от неприятного предчувствия. Пару раз я поскользнулась на бревенчатой опоре, и нога повисала в воздухе. Внутри все будто переворачивалось, мне совсем не хотелось упасть с высоты второго этажа и что-нибудь сломать, однако страх падения был хоть и острым, но приятным и знакомым. Он дарил адреналин, который распространялся по телу теплыми волнами, заставлявшими двигаться дальше, и сильно отличался от страха по поводу замысла старейшины – липкого, мерзкого, подозрительного чувства, вызванного лишь моей недоверчивостью и интуицией.

Шаг вверх правой ногой, затем левой. Шаги влево – один, два, три.

На девятом я замерла, услышав голоса. Я старалась дышать как можно тише, чтобы никто не заметил моего присутствия, но это не требовалось – за время моего отсутствия в доме явно произошла ссора. Со своего места я не могла заглянуть в окно, и приходилось смотреть только на деревянную раму и белые, расшитые узорами занавески, колыхающиеся на легком ветерке. Зато я отчетливо слышала громкие голоса: мамино сопрано, папин бас и дребезжащую, но относительно спокойную речь старейшины. Шуршание листвы и деревенский шум мешали разбирать слова, но я прикрыла глаза, прижалась щекой и ладонями к шершавой стене и попыталась прислушаться.

– Изначально об этом речь не шла! – бросила мама.

– Да как ты смеешь?! – воскликнул отец. – Я ее и пальцем тронуть не позволю!

Все мои силы ушли на то, чтобы не свалиться со стены. Они явно говорили обо мне! Но что же произошло, если родителям хватило смелости поспорить с самой старейшиной? Папа повысил голос на сильнейшего колдуна, способного размазать его по стене, как кусок масла! Что же такого сказал старейшина?

Не успев опомниться от удивления, я услышала шум. Показалось, что сначала пошатнулось что-то из мебели и загремела посуда. Потом мама вскрикнула. Дальше последовали шорох и громкий удар. Так мог бы удариться человек, которого со всей силы ударили об стену. Меня пробрал ужас. Руки задрожали, а ноги словно стали ватными. Да что там творится?! И как это связано со мной?

– Как ты смеешь кидаться на меня с магией, щенок?

В спокойном голосе старейшины почудилась тень угрозы. Я прижалась к стене, будто он сказал это мне. В голове просто не укладывалось то, что я слышала. Этот шум чуть раньше... Отец бросился на него, желая ранить?

– Нет, не помогай ему, пусть встанет сам.

Я нервно сглотнула, хотя секундой раньше мне казалось, что во рту совсем сухо. Удар об стену – это старейшина в свою очередь ответил на нападение? Бедный папа! Сжав руки в кулаки, я с трудом удержалась от того, чтобы не прыгнуть в окно к родителям и не попытаться защитить их.

Негромкий стон, тихий топот ног и шуршание одежды дали понять, что отец тяжело поднялся на ноги. Сердце болезненно сжалось – должно быть, он сильно ударился.

– Я понимаю, Василиса – ваша единственная дочь, – все так же строго тем временем продолжал старейшина. – Но участие в ритуале – большая честь и для нее, и для всей вашей семьи. Вы знаете, что за последние годы наша земля обеднела на урожай и животных, на которых можно охотиться. Пока мы держимся, продавая то, что интересно людям и другим поселениям, но что будет через год или два? Об этом вы не думали? Вы знаете также, откуда мы черпаем наши силы и благодаря кому поселение прежде процветало. Божества. Они голодны, потому что давно не получали подношений. Из-за этого мы страдаем. А я стараюсь ради поселения! И ради вас, эгоисты! Да вас благодарить будут!

С каждым словом речь старейшины становилась все более возбужденной. Неужели он действительно верил в этих богов? Мне всегда казалось, что он слишком умен для таких глупостей.

А голод... Нет, я слышала перешептывания взрослых, но после очередного праздника или просто сытного обеда казалось, что это ерунда, а не проблема. Похоже, все было куда серьезнее... Но при чем тут я?

Будто услышав мой вопрос, старейшина заговорил дальше. И говорил он такие вещи, что у меня кровь начала стечь в жилах. Раньше я слышала это выражение, но именно тогда поняла, что оно значит.

– Близится праздник наиболее важных для нас богов, Купалы и Костромы. Это огонь и вода, солнце и земля, тепло и плодородие. Если мы принесем в жертву божественным брату и сестре жениха и невесту, они десятилетиями будут покровительствовать поселению.

Наверное, старейшина еще что-то говорил, но я уже не слышала. Воздуха стало не хватать, а в ушах зазвенело, когда я с ужасом осознала, что имеет в виду старейшина. Мышеловка оказалась намного страшнее, чем я могла предположить, я с трудом верила своим ушам.

Он хотел совершить то, что в поселении не делали уже несколько десятков лет, – устроить ритуал жертвоприношения. Убить двух человек. Моего недожениха Тимофея и... меня.

Я уже не замечала ни царапину на ладони, ни собаку колдуна, видимо, почувствовавшую мой запах и потому пришедшую на задний двор. Наверное, я даже не заметила бы, что сорвалась со стены, если бы такое произошло. Слова старейшины звенели в голове страшным приговором: «Мы принесем в жертву божественным брату и сестре жениха и невесту... Мы принесем в жертву... Мы...»

Не знаю, сколько я стояла вот так, балансируя на носках на бревенчатом выступе, вцепившись ладонями в деревянные лепнины, которыми был украшен наш дом между вторым этажом и чердаком, и наверняка в максимально нелепой позе. Очнулась я, когда почувствовала, что по щекам бегут теплые дорожки. Слезы. Я плакала. «Я плачу? – мысленно одернула я себя. – Я? Seriously? Взрослый человек и ведьма к тому же? Да ладно, я не такая тупая, чтобы не понимать, что меня это не спасет!»

Слезы – нет. Но это не значило, что я вообще не могла спастись. Я должна была, обязательно. И тот мальчик, возможно, тоже, хотя его судьба меня не сильно волновала. Но кто мог меня спасти? Ну прежде всего – родители. Какой нормальный родитель не защитит своего ребенка от ритуала безумного старикашки? И плевать на голод! Наверняка есть тысяча других способов вернуть нам урожай!

Конечно, начав подбрасывать такие мысли, мое подсознание просто решило защитить меня от суровой реальности и безумия, иначе я бы так не думала, учитывая, как легко старейшина отбил магию отца. Возможно, будь я немного наивнее, я бы даже дала ему отличную возможность убить себя. Но в тот момент я решила остаться и продолжить подслушивать разговор. Мне хотелось убедиться, что отец меня защитит, несмотря ни на что.

Именно это мое решение спасло мне жизнь несколько дней спустя, хотя тогда я не знала, что так будет.

– Мы не позволим убить Василису, – твердо сказал отец, видимо, намереваясь завершить разговор. – Это безумие. Да и ни один родитель на нашем месте не позволил бы, если только он не сумасшедший фанатик.

– Осторожнее со словами, – отозвался самый сильный колдун. – Купала и Кострома могут разгневаются. Не позволяйте дочери проявить уважение к собственному поселению и божествам, которые его охраняют, – будет хуже. Надеюсь, сегодня вы в этом убедились.

– Значит, выбора у нас нет? – спросил папа.

Но в его голосе не слышалось горя. Его тон скорее был задумчивым. Мое сердце бешено заколотилось. Отец говорил так, когда что-то придумывал. Наверняка сейчас он составлял

план моего спасения, просто отказавшись от первого, где хотел переубедить старейшину своим гневом.

Все мои надежды рухнули, когда старейшина, видимо, догадался, что на уме у отца. В следующую минуту он произнес:

– Даже не думайте покидать поселение или помогать Василисе сбежать. Даже не пытайтесь избежать ритуала. Иначе по следам беглецов пойдут лучшие ищейки поселения во главе с моим псом. И если во время жертвоприношения ваша дочь будет убита безболезненно, то полудикие собаки церемониться не будут.

И снова, уже в третий раз за день, мне показалось, что у меня выбили почву из-под ног. Колдуны нашего поселения обожали охоту и разводили самых лучших собак. Они могли найти любое животное в два счета, что уж говорить о человеке, не способном ориентироваться в лесу и скрывать свой запах. План побега точно отпадал.

* * *

Это воспоминание для меня не самое страшное, и все-таки я вздрогнула от одного слова «ритуал», пронесшегося в мыслях.

С того момента прошло три года, даже три с половиной. Девочка-подросток Василиса, лазившая по деревьям и узнавшая слишком страшную правду, подслушивая разговор на стене дома, давно умерла. Не знаю точно, тогда или чуть позже, но она уступила место более сильной и опасной ведьме, которая смогла выжить в тех условиях, в которые ее загнала жизнь, и дожить до того момента, когда она устроилась на работу в больницу Германа.

И вот теперь я могла лишиться работы и снова получить от жизни один из тех тяжелых ударов, которыми она щедро награждала меня с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Но я не позволю этому случиться.

– Не позволю! – тихо повторила я.

С того момента, как узнала, что Змеев мертв, я не сдвинулась с места, только опустилась на пол возле его кровати. На меня давило чувство вины. Вопрос, который раньше мучил меня по ночам (был бы тот или другой человек жив, если бы старейшине удалось убить меня ради ритуала?), вернулся со смертью очередного связанного со мной человека.

– Лисс, – окликнул меня чей-то голос.

Задумавшись, я не сразу поняла, что это Тимофей. Широкая ладонь мягко легла мне на плечо и подняла меня. Мучительный вопрос в голове никуда не исчез, но поблек. Я молча подняла глаза на парня.

– Лисс, как ты себя чувствуешь? Главное – не волнуйся. Я привел Екатерину Алексеевну, она все проверила. Ты, наверное, не расслышала, но твоей вины в произошедшем нет. Можешь перестать смотреть на Змеева такими затравленными глазами. Он умер от инфаркта.

III. Волколак

– От инфаркта? – медленно переспросила я, хмурясь.

Кажется, я действительно на какой-то момент выпала из реальности, раз не заметила ни то, как Тимофей позвал Екатерину, ни то, как она провела осмотр. Я знала, что мне будет плохо, если умрет кто-то, кого я должна была защищать (своих пациентов я тоже отношу к таким людям), но не думала, что настолько.

– Именно, – недовольно отозвалась Екатерина, глядя на меня с явным неодобрением.

Что ж, ее можно понять. Какой нормальный врач так расклеивается при виде трупа?

– А ты чего вся никакая, Серова? Что, мертвых никогда не видела? – почти озвучила мои мысли женщина.

– Конечно, видела, Екатерина Алексеевна. Просто у вас такой очаровательный характер, что я побоялась присоединиться к Змееву после того, как вы увидите, что с ним случилось, – постаралась как можно бодрее отшутиться я.

Не хотелось, чтобы она или кто-то другой считал меня слабой или, что еще хуже, чтобы она догадалась о настоящей причине моего оцепенения.

Екатерина поджала губы.

– Ну-ну, – с сомнением ответила она. – Ладно, если не собираешься еще раз падать в обморок, можешь отправляться искать волколака, пока он не довел до сердечного приступа кого-нибудь еще.

Сказанное ею дошло до меня не сразу, и я с недоумением посмотрела на заведующую отделением. Обморок? Я что, потеряла сознание? И какой волколак? И при чем здесь сердечный приступ? Видимо, я и правда многое пропустила.

– Серова, не тупи! – закатила глаза Екатерина, когда осознала, что я ничего не понимаю. – Это новый пациент, – медленно, как ученику-двоечнику, пояснила она. – Оглянись вокруг! Так разодрать свою кровать и сбежать мог только оборотень достаточно крупного размера. Волколак, скорее всего. От боли он себя не контролирует, может наброситься на любого вставшего у него на пути человека. На данный момент неизвестно, где именно он находится. У нас ЧП в больнице, а из-за того, что ты тормозишь, я вынуждена стоять здесь и объяснять тебе все, как ребенку!

Я нервно облизнула губы. Замечательно. Змеев мертв, а его злополучный сосед Денис Кирсанов оказался волколаком, высшим и самым опасным видом оборотня, к тому же не контролирующим себя. День становился все лучше и лучше, а ведь даже солнце еще не взошло.

– Я поняла вас, – со вздохом ответила я и направилась к двери.

Больше всего мне сейчас хочется упасть на кровать и не вставать пару часов, но работа есть работа.

– Попробую вернуть волчонка в логово, – добавила я уже более оптимистичным тоном.

Впрочем, выйти из палаты мне не удалось. Тимофей, который до этого стоял возле выхода, как бы случайно сделал шаг вперед, преграждая мне дорогу.

– Не дашь мне выйти? Серьезно? – приподняла я брови.

Парень действительно выглядел серьезно. Сначала я не обратила на это внимание, но теперь увидела, как он обеспокоен последними событиями. Он стоял, спрятав руки в карманы и строго глядя на меня из-под шапки густых темных кудряшек.

– Лисс, по-моему, ты еще не до конца пришла в себя, – голосом, не терпящим возражений (а для моего друга такой тон очень непривычен), проговорил Тимофей. – Увидев мертвого Змеева, ты потеряла сознание. Твой пациент оказался волколаком. И он себя не контролирует. – Для большего драматизма парень выделял последние слова. – Ты никуда не пойдешь. Екатерина Алексеевна пошутила.

Когда-то давно я защищала Тимофея буквально от всего. С тех пор прошло много времени, но его попытки отплатить мне тем же до сих пор вызывают у меня лишь умиление. Боже, какой он наивный! Меня не нужно защищать. Даже от волколака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.